

18+

Виктор Маен

*Люди. Звери.
Остановки*

Виктор Маен

Люди. Звери. Остановки

«Издательские решения»

Маен В.

Люди. Звери. Остановки / В. Маен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-597538-6

«...Не сказал бы, что это литературное произведение: проза, рассказы или очерки. Я сам не знаю, как это правильно назвать, скорее всего заметки... Жизненные ситуации, участником которых я был сам или то, что видел или слышал, и что мне показалось интересным, да и чего греха таить, что-то выдумал от начала и до конца. Чтобы память не стёрла эти зарисовки, далёкие и близкие, грустные и весёлые, смешные и трагичные, я решил переложить их на бумагу. Мне так было нужно...» Искренне ваш, Виктор Маен. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-597538-6

© Маен В.

© Издательские решения

Содержание

Другой год	6
Горка 5	16
Целую. Лена	23
Галочка	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Люди. Звери. Остановки

Виктор Маен

Иллюстрации автора

© Виктор Маен, 2023

ISBN 978-5-0059-7538-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Другой год

Студентам 80х посвящается

Второй день подряд я мучился с этим чертежом, то пунктирная пойдёт не туда, куда надо, то окружность не пересекала нужных плоскостей, или вообще расчёты оказывались не верны. В общем, настрой рабочий был так себе. Время поджимало, а курсовая была не готова, чертёжная часть её, точнее сказать. Был вариант «переколоть» всё это с другого чертежа, но в одном месте размеры не совпадали, и вся затея сразу становилась провальной, так что сам. Сам, твою мать, от осознания оного на ум, а потом и на язык приходили только непечатные выражения, которые я негромкой злостью бормотал себе под нос. Кстати, для непосвящённых – «переколоть» выглядит так: берётся лист кальки соответствующего размера и кладётся на готовый чертёж, в нужных местах прокалывается иглами, после чего калькой накрывается чистый ватман и по проколам фиксируются контрольные точки чертежа. Далее, как вы понимаете, дело техники. Забавная технология имела широкое применение в технических ВУЗах восьмидесятых годов прошлого века, когда я был худ, лопоух, беззаботен и так же безответственен. Прекрасное время...

Тоскливые мои размышления прервало еле уловимое чьё-то тёплое дыхание у левого уха, я осторожно повернул голову. Маринка склонилась над кульманом и, казалось, меня не замечала. Всё её внимание было поглощено изображением на ватмане, точнее тем, что я пытался там изобразить.

– Ну чё, получается? – вроде как даже без интереса спросила она.

– Нуу... Как-то так, ползу помаленьку, напортачил в расчётах, пришлось всё переделывать. Хорошо, что это первый чертёж, а не последний, вот, где бы я загрузил по-настоящему. А ты-то свой сдала?

– Угу, – теперь она смотрела на меня и не скрывала удовольствия от моего моментально помрачневшего вида, – сегодня защитила, пять, между прочим.

– Ну да, тебя Садовский любит, чё ж не защититься, – слабо попытался я её уколоть. Мимо. Маринка только презрительно скривила свой маленький красивый ротик.

– Нефиг было дурака валять на лекциях и вообще, умных девушек, – указала большим пальцем она на себя, – надо слушать. В моих глазах застыло немое удивление.

– Ну чего изображаем недоумение на и так не очень умном лице? – эта дрянь начинала глумиться. – Я предлагала тебе тему, где уже половина расчётов была готова, так ты же гордый! Вот и сиди теперь, ковыряйся, как жук в навозе. Только до конца семестра неделя осталась, а у тебя ещё первый чертёж не готов. А там Новый год и.... – Маринка сделала неопределённый пас рукой, что вывело меня из себя окончательно, хотя всё то время, которое позволял над собой издеваться, я держался стойко, железно, надо сказать. Рука потянулась за метровой линейкой, Маринка просекла момент, крутанулась на пятках и линейка просвистела в пустоту в нескольких сантиметрах от металлической бляхи на её новеньких «Монтанах». Отскочив на безопасное расстояние, она повернулась ко мне и приплясывая стала дразниться: «Не достал, не достал!». Сил сердиться на неё не было, я укоризненно покачал головой, глаза мои, видимо, улыбались.

Мы познакомились в забегаловке на «пяти углах». Лето. Жарко. Абитура. Я в Ленинграде всего несколько дней, то была та нервная пора по принципу «поступил – не поступил». Психовали все: абитуриенты, по понятным причинам, преподаватели, которым побыстрей хотелось разделаться со вступительными, и наконец-то уйти в долгожданный отпуск. В тот день я сидел за липким не чистым столом и задумчиво жевал бутерброд, переваривая его вместе с тяжё-

лыми мыслями о только что сданном письменном экзамене по математике и прикидывал свои дальнейшие шансы стать первокурсником мехфака.

– Мы присядем, – скорее утвердительно сказала девушка. И не дожидаясь моего ответа примостилась на соседний стул, третий стул заняла её подруга. Я даже не огляделся по сторонам. И так было ясно, что с местами в кафешке было туго. Я смущённо уставился в кафельную стену, по которой ползла толстая зелёная муха, народ у раздачи гудел, все молодые, с тревожными лицами, кого-то я даже видел в институте.

– На какой факультет поступаешь? – без церемоний спросила она.

– На мехфак, а почему ты решила вообще, что я куда-то поступаю?

– Чего тут решать? В эту «тошнилловку» только абитура и ходит, других тут нет.

– Тогда ты тоже поступаешь, судя по всему?

– Догадливый. И тоже на мехфак, кстати. Математику написал? Я кивнул.

– В три часа списки повесят. Боишься? Я кивнул опять.

– Ну, молодец, хоть не врешь. Откуда сам-то, слышу говорок у тебя не здешний.

– С Кубани. Ты местная, наверное?

Девушка смерила меня оценивающим взглядом, на лице мелькнула лёгкая усмешка.

– Ну да, из Ленинграда мы, – кивнула она на подругу. Та молча жевала пирожок, обёрнутый в промасленную бумагу и запивала всё это дело кофе с молоком.

– Давай дожёвывай, – толкнула она её в бок, – пойдём на кафедру, а то там сейчас такая толпа соберётся, к спискам не подойти будет, так-то время уже, – глянула она на часики на тонкой руке. У входа она обернулась и небрежно бросила мне:

– Ну, чего застыл, озяб что ли? Пошли с нами, я удачу приношу, вот увидишь.

Пришли мы почти вовремя, со всех сторон к спискам на стене, как горожане к месту казни на площади, стекались абитуриенты, ещё издали тревожно вытягивая шеи. Толпа молча прилипла к стене, послышались первые радостные вскрики и всхлипы, кто-то обнимался, кто-то застывал в ступоре. Мои недавние знакомые волчком ввинтились в людскую массу, увлекая меня за собой. Я пробежал список глазами и затормозил на своей фамилии. Четыре. Выдохнул облегчённо и позабыв о своих спутниках, стал выбираться из толпы. Камень неопределённости медленно, но уверенно свалился с меня и лениво покатился прочь. Мне хватало баллов на зачисление, теперь всё определённо ясно, но облегчение не было долгим. Теперь придётся переехать надолго в незнакомый город, жить в общежитии и вообще... От этой мысли стало тоскливо. Как же друзья, как родная станица? И опять же, мотоцикл у меня там в гараже стоит. Тогда я не думал о том, что мои друзья так же, как и я, разъехались по городам необъятного СССР в попытке стать студентами и осуществить свою мечту. Вот школьный друг уже поступил в военное вертолётное училище, и, думаю, что счастлив от этого безмерно. Но тогда я об этом не думал, мне было тревожно... Один, в незнакомом городе. Я присел на прохладный бордюр.

По плечу не сильно хлопнуло, я вздрогнул, выныривая из своих тоскливых мыслей. Это была девушка из кафе, правда уже без подруги.

– Ну, чё?

– Четыре, – просиял я, – мне на поступление хватает.

– Я ж говорила, что удачу приношу, вот видишь, – уже совсем по-свойски сказала она. Слушай меня и радио, всё будет хорошо! Меня Маринка зовут, – наконец-то представилась она.

– Виктор, – ответил я.

– Витёк, значит? Ну что, добро пожаловать в город-герой Ленинград, – улыбнулась она, – увидимся скоро, устраивайся. И на поребрике не сиди, у нас тепло-то не часто бывает.

– На чём не сиди? – удивился я.

– На поребрике. Так в Ленинграде бордюр называют, – бросила она, уходя, – привыкай. Тебе теперь долго здесь жить, – махнула мне рукой и скрылась за углом.

В группу нас зачислили двадцать семь человек. На двадцать пять парней всего две девочки. Надо ли говорить, что это были Маринка с её молчаливой подругой. Механический вообще во все века и времена был факультетом мальчиковым, но учились здесь и девочки, но мало, на всём потоке всего шесть штук. Я, признаться, очень обрадовался, увидев её в нашей группе, но вида не подал. За месяц мне дважды пришлось пересечь страну туда и обратно, съездить на родину, собрать вещи и вернуться назад. Дома из одноклассников я уже почти никого не застал. Остались только те, кто после школы не собирался нигде больше учиться или поступил куда-нибудь в Краснодаре или других городах края. Общага, в которую нас поселили, видала виды. Как говорится, система коридорная, на тридцать восемь комнат всего одна уборная, вспомнил я творчество Высоцкого. Тем не менее всё необходимое для жизни было: кухня на этаже и душевая в подвале. Уборных, между прочим, имелось две. Самым бесценным преимуществом нашего развесёлого обиталища являлась учебная комната, просторная, с большими светлыми окнами. Несколько чертёжных досок и столов могли вполне удовлетворить потребности страждущих, ибо чертить приходилось много, и это стало понятно с первого семестра. Сейчас я как раз сидел в этой комнате и истязал себя и чертёж, где Маринка и нашла меня, грустного.

– Ты эта, линеёчкой-то поосторожней маши, – хохотнула она, – я так-то девушка местами. Нельзя меня по заднице лупить – женихов отобьёшь, мне бабушка говорила.

– Слышь ты, девушка, ты издеваться пришла что ли? Так второй раз я точно не промахнусь, плевать мне на твоих женихов, тоже мне невеста без места. Так моя бабушка говорила, – отбрил её я.

– Вообще-то, ушастик, я пришла посмотреть, не нужна ли тебе помощь, но, если ты ещё чёнибудь вякнешь, желание помогать у меня скорее всего пропадёт. Ещё скажи, что ты не ушастик, – Маринка оттопырила собственные уши и показала язык.

– И потом, у меня к тебе предложение, так что не выпендривайся. Она молча взяла курсовую записку и внимательно стала её изучать. Я опять прильнул к чертежу, краем глаза пытаясь узреть, что же эта чёртова кукла удумала сделать. Через некоторое время она шлёпнула курсовую на стол и произнесла;

– Готова взяться за второй чертёж. Там по расчётам всё понятно, так что завтра с утра я у тебя, ватман твой, естественно, готовальню я свою принесу.

С Маринкой мы подружились сразу, как только стали учиться, и компания подобралась, что надо. Не любить её было невозможно, стройная и звонкая, с вьющимися чёрными волосами эта евреечка просто обезоруживала своим обаянием, никогда не хандрила и вообще была «своим парнем». От других местных её выгодно отличало отсутствие ленинградского снисходительного высокомерия и чванливости по отношению к «понаехавшим», в нашей компании коренной была только она и Катя, её подруга, девочка с жидкими косичками и умными, как у овчарки, глазами. Мама Маринки преподавала в политехе, отец врачевал зубы, так что у единственной дочери жизнь текла легко и беззаботно. Правда, мой вопрос о том, почему она не пошла учиться под мамино крылышко, не удостоился ответа. Маринка смерила меня ледяным презрительным взглядом и промолчала. Лучше бы матом обложила, тогда подумал я, понимая, что тема исчерпана.

Приготовив утром нехитрый завтрак и буквально не жуя его проглотив, я скоренько сбежал по лестнице на первый этаж, чтобы успеть занять хороший кулман поближе к окну, пока народ не проснулся и не заполнил всё учебное пространство. Маринка стояла ко мне спиной и прикалывала к доске ватман. Длинный, явно не по размеру свитер грубой вязки придавал её виду молчаливую решительность, уверенность и желание свернуть горы.

– Ты как сюда попала то? – вместо приветствия спросил я. Доступ в учебную комнату был разрешён только для проживающих в общежитии.

– Тоже мне проблема, – даже не повернувшись, равнодушно произнесла она, – баба Нюра на вахте сегодня, она ж божий человек, неужели не откроет «учебку» для студентки, комсомолки и наконец красавицы? – наконец повернулась она ко мне с улыбкой на лице.

– Н... да.. Ты в этой жизни точно не пропадёшь, – скривил я губы в подобии улыбки, – как ты так умеешь со всеми обо всём договариваться? – в моём голосе звучали завистливые нотки.

Маринка молча протянула руку ладонью вверх. В моих глазах застыл немой вопрос.

– Записку давай. Чертить буду, – пояснила она. Я поспешно положил на ладонь увесистую пачку листов с расчётами. Весь день мы провели на ногах, за всё время обменялись парой тройкой фраз, ненадолго прервались, чтобы сбегать в столовку на углу, наскоро перекусили и вернулись к чертежам. На дворе уже был ранний чёрный декабрьский вечер, когда Маринка стала аккуратно складывать в готовальню чертёжные принадлежности и перехватив мой внимательный взгляд вопросительно дёрнула своей курчавой головкой.

– Готовальня у тебя зыканая, я таких и не видел, – рассматривал я широкую прямоугольную коробку, обтянутую потёртой кожей.

– От деда осталась, он у меня инженером на военном заводе был.

– Почему был? Умер уже что ли? – бесцеремонно спросил я.

– Погиб в блокаду. С работы шёл, его бомбой убило, бабушка рассказывала. Я и не видела его никогда, только на фотографии.

Мне стало неловко, но совсем ненадолго. Юность груба, быстра на короткие яркие эмоции, беспечна и беспощадна.

– Ну смотри, – Маринка повернулась к чертежу. Усё готово, шеуу, – начала кривляться она. Добивай свой и дуй защищаться.

– От чего такая щедрость, Мариша? – хитро сощурился я.

– Есть у меня планы хорошо встретить Новый год, и ты в этом должен участвовать. Только я подумала, что, если ты курсовую не сдашь, тебя к сессии не допустят, ты хобот повесишь, а я тебя в новогоднюю ночь видеть таким не хочу. Ты мне весёлый нужен, слышишь, чё говорю-то? Кстати, у тебя уши музыкальные? – не дожидаясь ответа она прижала к верхнему краю моего уха два пальца и резко дёрнула вверх. Раздался довольно звонкий щелчок.

– Музыкальные, – улыбнулась Маринка. Я от неожиданности впал в ступор.

– Так что, я помогаю не бескорыстно, как видишь. Забочусь о праздничной атмосфере, так сказать. Да и какая от меня может быть бескорыстность, я ж эта... папа-то у меня врач зубной, – хохотнула она.

– Ну вот, – поймал я её шутливую, волну, – а я грешным делом подумал, что это любовь...

– Ага, держи-таки карман шире, шас! Дофига вас таких быстрых, а я одна у мамочки красotka, – Маринка была в своём репертуаре.

– Завтра поболтаем после пар, как раз узнаешь о моём предложении, – заинтриговала она. А пока на этом всё, проверяй свою писанину и иди сдаваться, Садовский вроде добрый пока. Дверь, увлекаемая пружиной, хлопнула, и Маринка нырнула в снежные ночные вихри, поглубже нахлобучивая на голову белую кроличью шапку.

Откинувшись на спинку стула, Садовский слушал, как показалось, довольно рассеяно, изредка поглаживая бородку «аля Дзержинский», по этой самой причине студенты и называли его между собой Феликс, хотя звали преподавателя по-русски просто: Иван Николаевич. Поведав на доску чертежи, я уверенно водил по ним указкой и говорил, говорил... Судя по тому, как глубокомысленно молчал Феликс, я понимал, что вся ахиня, которую я тут несу, его так или иначе устраивает. Наконец он прервал меня.

– Кто тебе второй чертёж то чертил? – в упор посмотрел он.

– Как кто? Я сам чертил, – не моргнув глазом соврал я.

Садовский криво усмехнулся.

– Ну, ну, – погладил бородку. Потом встал и подошёл к окну. На дворе падал снег, тысячи маленьких белых парашютиков тихо опускались на землю, Иван Николаевич заложил руки за спину и думал о чём-то своём. Я стоял у доски и безропотно ожидал своей участи. Преподователь вдруг вздрогнул, как будто очнулся от лёгкого забытья и вспомнил о присутствии в аудитории ещё кого-то, обернулся и произнёс.

– Зачётку давай.

По коридору я нёсся, как олень во время гона, на лице, наверное, блуждала дебильная улыбка юродивого, которому у церкви в шапку кинули серебряный рубль. Во всяком случае идущие навстречу с интересом поглядывали на меня. Маринка не упустила возможности пошутить по этому поводу, но на этот раз далеко заходить не стала, сразу было видно, что она настроена на какой-то разговор. Мы сбились кучкой у кадушки с фикусом в холле.

– Короче, ребята, – начала она

– И девчата, – обронила Катя. Мы все удивлённо переглянулись, не часто от Кати услышишь что-либо.

– И девчата, – уточнила Маринка. – Скоро Новый год и я хотела спросить, какие у кого на этот счёт планы?

Мы переглянулись. При недолгом обсуждении стало понятно, что у большинства планов особо никаких, отметить в общежитии, скорее всего со всеми вытекающими. Маринка слушала нас и понимающе кивала головой.

– Всё понятно, – резюмировала она. – Есть предложение: давайте встретим Новый год у меня дома.

Предвосхищая массу вопросов, Маринка пояснила, что родители уезжают к друзьям в Москву, и разрешение на студенческий шашлык получено, в рамках всевозможных приличий, конечно. Если мы все согласны, то надо определиться с суммой взноса с каждого, у Маринкиной мамы есть какой-то блат на продуктовой базе и поэтому к новогоднему столу, который, кстати, будут готовить девчонки, всё необходимое закупят. По решению организатора этого безобразия в нашу компанию вливалась Валентина, спортсменка-пловчиха из соседней группы, которую я часто видел с Маринкой и Катей вместе. Идея была принята на «ура» и, пообсуждав ещё немного всяческие детали, все стали разбредаться по своим делам.

В очереди в столовке откуда не возьмись ко мне прилипла Маринка с Катей, как будто они тут и стояли. Она лукаво подмигнула мне и легонько ткнула в бок.

– На раздаче сыр лежит, два кусочка осталось, Витёк, передай мне кусочек, очень сыру хочется...

– Очередь не моя ещё, как я тебе его передам?

– Кать, ты глянь на него? Друг, можно сказать, умирает на глазах без сыра, а он «очередь не моя»! – и понизив голос почти до шёпота прибавила, – Быстро мне сыр передал, ушастик.

Сыр, само собой, достался Маринке, как и последние полстакана сметаны, время было далеко послеобеденное, а блюда на ужин только готовились. Теперь она сидела напротив меня и скребла сметану ложкой, набитый рот не мешал ей трещать без умолку, подруга лениво ковыряла в тарелке слипшиеся макароны и как всегда таинственно безмолствовала.

– Короче, – вдруг сменила тему Маринка, – мы тут с Катюхой и Валькой посидели, посчитали и вышло по четыре рубля с носа на новогодний стол, ну это, если округлить и с учётом того, что у меня дома есть там всякие солёные помидоры, огурцы и прочая капуста. При этом, мама закупит всё по списку, мы приготовим, ну, а с мужской части компании ёлочка, – Маринка сделала паузу, изучая мою реакцию. Я снисходительно улыбнулся, мол, тоже мне проблема, хотя понятия не имел, где эту самую ёлочку брать. Ёлочные базары в те времена в Ленинграде явлением было редким, да и очереди к ним выстраивались не шуточные. В итоге проблема

решилась сама собой, спустя два дня после этого разговора ко мне в комнату влетел Костик и запыхавшись затараторил.

– Витёк, поднимай задницу быстро! Там на углу машина стоит полная ёлок, тётке продавщице нужно её разгрузить, два рубля платит и по ёлке на рыло. Нужны два человека, я попросил подождать пять минут, и за тобой бегом, собирайся давай и догоняй! – уже из коридора крикнул он. На следующий день мы с Маринкой стояли на улице и ждали, когда за ней приедет отец. И за ёлкой конечно. У поребрика затормозила бежевая «копейка», ёлка переместилась в багажник, а Маринка на переднее сидение, я с чувством исполненного долга с облегчением выдохнул и не спеша направился к метро...

Общага как-то сразу опустела, не было слышно постоянного утреннего гомона, на кухне не шумела вода и не кипели чайники. Я вышел в коридор и не спешно поплёлся куда-то без особой цели, формируя маршрут по ходу движения. В умывальной и туалете тоже было пусто. Редкие шаги стали доноситься чуть позже, немногие оставшиеся просыпались и выползали на свет божий. Кто мог, тот уехал, тем более те, кто из области. На дворе стояло последнее утро 1984 года, ясное и морозное.

Икарус-гармошка, поскрипывая шинами по свежему снегу, как бы нехотя причалил к остановке. Народу было многовато, в салоне стоял весёлый гвалт, люди спешили с работы, кто-то, как мы с Костиком ехал уже в новогодние гости. Мой приятель протиснулся к коробке из плексигласа, в щель которой пассажиры опускали монеты и воротком, приделанным сбоку выкручивали нужное количество билетов. Костик занял позицию у «рыбного места», как он это называл и с невозмутимым видом клал передаваемые деньги себе в карман, при этом выкручивая билеты на полученную сумму. Я стыдливо отвернулся. Пассажиры совершенно не обращали внимания на наглость этого юнца, брали у него билеты и даже говорили спасибо. Такой фокус Костик проворачивал не первый раз, правда делал он это исключительно, когда мы ехали в автобусе вдвоём, я должен был следить, чтобы на остановке не зашли контролёры, так что, хотел я этого или нет, но соучастником становился полноценным. Как-то, выйдя из автобуса после такой поездки, я сказал Костику, что бы он завязывал, что, мол, некрасиво и такое всё. Тот холодно на меня посмотрел и, вытащив из кармана горсть монет, молча стал их пересчитывать.

– Два рубля пятьдесят четыре копейки, – подвёл он итог. – И ты заметь, я ни у кого их не отобрал, за эти деньги каждому я дал билет на проезд. Ну, единственное, что деньги я не опустил в эту штуковину, а оставил себе. Так людям-то всё равно. Не дрейф, Витёк, это же шалость просто, так, поразвлекутся, – хлопнул он меня по плечу. – Пойдём в столовку, ещё успеем поужинать, на двоих тут как раз, – тряхнул он зажатой в кулаке мелочью.

К числу таких «шалостей» ещё относились небезопасные совместные походы в продуктовые магазины, в которых из продуктов зачастую высились пирамиды из консервов морской капусты, бутылок с молоком и батонов. Изредка «выбрасывали» кур, в народе называемых «синяя птица», так как оттенок они имели серо-синий, и факт их смерти был похож скорее на естественный, чем принудительный. Костик без малейших угрызений совести засовывал в широкие рукава армейского полушубка, которым очень гордился, по бутылке молока и батону в каждый и, пока я ковырялся у прилавка, что-то выбирая, спокойно выходил на улицу. По его глумливой роже я безошибочно угадывал, что он опять чего-то спёр, он только смеялся над моими нотациями и пояснял, что всё это для потехи. Справедливости ради, надо сказать, что съедать краденые продукты или питаться в столовке на ворованные деньги я никогда не отказывался, потому как жрать хотелось всегда...

– Вроде здесь, – мы вышли на нужной остановке, и Костик посмотрел в бумажку с Маринкиным адресом. Серенькая девятиэтажка стояла прямо перед нами с большим фиолетовым номером на углу дома. Мы поднялись на третий этаж и нажали звонок в квартиру. Из-за двери доносилась иностранная музыка и приглушённые голоса, потом такие же нечёткие торопли-

вые шаги, замок щёлкнул и дверь распахнулась. Маринку мы узнали не сразу. Перед нами стояла тоненькая девушка в тёмно-красном платье, явно заграничного покроя, непривычно высокая, туфли на каблучке тоже были замечены позднее, в тон платью помада на губах. Маринки в джинсах и вечном свитере и торчащими во все стороны чёрными кудрями уже не было, перед нами стояла какая-то воздушно-волшебная незнакомка. Я судорожно сглотнул. Оказывается, у неё великолепная фигура и царственная осанка, чего мы никогда не замечали раньше.

– Чего застыли, бродяги? Заходите скорее. Вон носы красные какие, от остановки-то метров двести-триста идти, что, на дворе холодно так?

– Градусов пятнадцать давит, наверное, – предположил Костик, стаскивая в прихожей полушубок. По квартире, обгоняя друг друга витали всяческие запахи. Я жадно потянул носом воздух с ароматом копчёной колбасы, оливье с солёным огурцом и ещё чего-то, что не успел пока рассмотреть. В середине самой большой из трёх комнат стоял стол с голубой скатертью, весь уставленный салатницами и тарелками, бутылками и вазами с фруктами. Посмотреть было на что, Маринкина мама постаралась на славу, да и девчонки не поленились приготовить всё красиво и, надо полагать, вкусно. На столе стояли две бутылки советского шампанского, бутылка красного вина и две бутылки водки «Посольская», дефицит по тем временам, да и стояла она гораздо дороже обычной «Русской» или там «Пшеничной», к примеру. Почти прозрачными пластинками нарезанная копчёная колбаса, оливье, селёдка по шубе, пепси-кола в узких стеклянных бутылках и много ещё всего, от вида которого сразу заурчало внутри. Посередине стола, обложенный мандаринами, располагался огромный ананас.

– Маринка, это ананас что ли? – ткнул я в него пальцем, – никогда натурально не видел, только на картинке или по телеку.

– Ну да, – деланно равнодушно ответила она, будто трескает ананасы эти каждый день.

– И как его едят?

Она смущённо пожала плечами и рассмеялась.

– Слушай, сама толком не знаю, мама притащила, а я и не спросила её. Короче, разберёмся, когда дело до него дойдёт. В углу ёлка переливалась разноцветно огнями гирлянды, на подоконнике «Абба» мурлыкала из японского кассетного «Шарпа». Я потянулся к блюду с колбасой, но тут же получил ощутимый шлепок по руке.

– А, ну-ка, не кусочничать! – Маринка была непривычно строга, – сядем через полчаса за стол, тогда берите чего душе угодно. В прихожей затарахтел телефон, и хозяйка скрылась за дверью. Вокруг стола стояли пять мягких стульев с изогнутыми ножками, ещё три посадочных места предполагалось на диване, всё как и планировали – пять парней и три девушки, вся компания в сборе.

Место мне досталось рядом с Катей и я, как мне тогда казалось, старался быть галантным кавалером, подкладывал и подливал, отпускал остроумные шутки, Катя смущённо улыбалась. Маринка сидела напротив меня между Костиком и Сергеем, которые подружились ещё на абитуре. Сергей был рослым и крепким не по годам парнем. Занимался боксом и никогда не скрывал, что в институт поступил только благодаря своим спортивным достижениям. Валентина понимающе кивала головой, так как и сама полсеместра проболталась по всяким спортивным сборам и соревнованиям. Где-то в душе мы им завидовали, зачёты и экзамены по некоторым предметам им ставили, что называется за «красивые глаза», но тут было хотя бы понятно, что люди надрываются за спортивную честь института. Всеобщее раздражение и презрение вызывали всяческие комсомольские и общественные деятели, которые учились абы как, но всегда были отличниками, не говоря уже о том, что никому не давали спокойно жить, задалбывая своей комсомольской активностью. Над столом висел весёлый гул, звенела посуда, все перебывали друг друга, как будто боялись потерять искромётную мысль или особо оригинальную шутку. Катя постукала вилкой по бокалу, призывая тем самым к тишине. Она встала и обвела присутствующих взглядом.

– Друзья мои, – было заметно, что она с трудом скрывает волнение. Чуть больше, чем через час наступит другой год, я не говорю, что новый, я говорю – другой. Потому, что в этом году в нашей жизни произошли очень важные события. Мы закончили школу и смогли поступить в институт, и это здорово, впереди много интересного, много нужно будет делать и идти к своей цели. Ещё в этом году я встретила всех вас, и это для меня тоже очень важно. Я даже не представляю, какой бы была моя жизнь без Маринки, мы с ней со школы вместе, почему в моей жизни не было Костика, Серёжи, Вали и всех остальных, кто сейчас сидит за этим столом. Следующий год уже будет другим. Уже не будет делиться на школу и институт, наши мальчишки, – она на секунду замолчала, сделала глоток. – Наши мальчишки весной уйдут в армию. Я с грустью жду этого момента, жаль будет расставаться так надолго. Только не попадите в Афганистан, – совсем уж очень тихо добавила она. – Вот поэтому год будет другой, ребята...

– И девочки, – шутливо подхватила Маринка, встала из-за стола и обняла Катю.

– Витёк, Костя, может «Посольской» попробуем? – Сергей откупоривал бутылку.

– Ну, а чё нет-то? – Костик придвинул поближе к нему стопки. Все дружно выпили, кто-то включил магнитофон.

– О, медлячок! Валентина, – Сергей изобразил какой-то произвольный реверанс, – позвольте пригласить на танец. Через несколько секунд три пары кружились по полутёмной комнате, далёкие Альбано и Рамина Пауэр что-то плакали на итальянском, по всей видимости о любви.

За несколько минут до полуночи Маринка включила телевизор, и все опять усадились за столом, гомон потихоньку стихал. Генсек Черненко, старый и больной, медленно подбирая слова бесцветным голосом, поздравлял советское народонаселение с наступающим 1985 годом. За его спиной высилась Спасская башня, сияя красными звёздами, лёгкий снежок падал на шапку. Говорил, как обычно, о правильности нашего пути и ведущей нас к победе коммунистического труда партии, об американской угрозе и борьбе за мир во всём мире. Часы начали мерно отбивать секунды, с последним ударом хлопнула пробкой бутылка шампанского, за ней тут же другая, громогласное «ура» сотрясло всё вокруг, после чего мы стали скандировать «С новым годом! С новым годом!» Катя чмокнула меня прямо в губы, я даже вздрогнул от неожиданности и потащила танцевать. На сцене «Голубого огонька» отплясывал молодой совсем ещё Пресняков, из динамиков неслось: «А за окном бушует месяц май»...

Веки мои с трудом разлепились, и я тут же опять зажмурил глаза. Солнце висело над крышей дома напротив и холодными лучами било мне аккурат в лицо через раздвинутые шторы. Я полежал ещё несколько секунд, слушая собственные ощущения и почувствовал, что на ухе у меня что-то висит. Отвернувшись от солнечного света, я опять открыл глаза. Катино личико было совсем рядом, даже ощущал её дыхание кожей. Она безмятежно спала, уткнувшись носом мне в плечо, косичка её зацепилась за моё ухо. Я осторожно встал с дивана и накрыл её пледом, хотя вряд ли Кате было холодно, спала она в одежде. Вокруг стояла мёртвая тишина, на другой половине дивана мощно сопел Серёга одной рукой обняв Валентину. Я тихонько двинулся по квартире, стараясь не издавать звуков, приложился к бутылке с остатками пепси-колы и оторвал от виноградной кисти одну ягоду. В соседней комнате на широкой кровати спал Костик, Вадим и Димка, заглянув в маленькую спальню я увидел Маринку. Она единственная, видимо на правах хозяйки, как и подобает нормальному человеку, лежала в постели, укрывшись одеялом до подбородка. В прихожей кучей на полу валялась обувь, я вытащил свои ботинки. Сырые ещё после нашей прогулки с валянием в снегу и прочими выкрутасами. Прислонил их к батарее. Взмокшие и раскрасневшиеся под утро мы влетели в квартиру, гогоча без умолку, потом пили чай с каким-то вкуснейшим вареньем, после все увалились на диван смотреть «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». Провалился я незаметно, тепло и уютно...

Телевизор злобно шипел белым экраном, я поспешно нажал кнопку, стало совсем тихо, Катя что-то пробормотала во сне и перевернулась на другой бок.

Спать больше не хотелось, комнату заливал солнечный свет, и я подошёл к окну, чтобы задёрнуть штору, и вдруг замер у подоконника. По детской площадке шёл Дед Мороз. Настоящий, всамоделишный, я бы сказал. В красной шубе, в шапке с белой оторочкой, белая ненастоящая борода как-то потешно сдвинулась на бок. Дед передвигался тяжело, через каждые два три шага останавливался, держась обеими руками за посох и прислонившись к нему лбом, что-то бормотал себе под нос, раскачиваясь из стороны в сторону. На плече его висел пустой мешок. Сказочный персонаж добрёл до детского грибка и, опершись на него, выронил посох из рук. Данное обстоятельство по всей видимости очень расстроило деда, он мотал головой и пытался наклониться за посохом, что удалось ему не с первого раза. Меня озадачила очень интересная мысль, и я как сумасшедший стал носиться по квартире, расталкивая спящих товарищей.

– Катя, Валюха, Серый, вставайте! – дёргал я их за конечности. Димон, Костик, да понимаетесь же вы!! На шум из спальни, завернутая в одеяло вышла Маринка, злобно рассматривая меня одним глазом, Катя сидела на диване и тупо глядела перед собой, ничего пока не соображая. Я носился по комнатам со скоростью бешеного таракана, пока у стола не сбилась в кучу вся полусонная компания.

– Дед Мороз, там! – ткнул я рукой в окно, – представляете, сегодня первое января, и первым, кого я увидел, – это Дед Мороз! Хорошая примета! – раширало меня. Все прильнули к окну.

– Гля, ребя, – Дима протёр глаза, – и правда Дед Мороз..

Маринка, до этого ни проронившая ни слова, вдруг заговорщицки прошептала.

– А давайте его позовём к нам, а? Это так символично, первый день года, и к нам придёт настоящий Дед Мороз! Все одобрительно загудели.

Каким-то изворотливым образом просунув лицо в открытую форточку, я крикнул что было сил.

– Дед Мороооз!

Фигура в красном тулупе на детской площадке остановилась и медленно повернула голову в сторону звука. Не узрев источника, из которого этот звук исходил, голова вернулась в исходное положение, ноги сделали два нетвёрдых шага.

– Дед Мороооз! – повторил я попытку. Нога деда повисла в воздухе, тяжело опустилась, голова, как башня танка, медленно двигалась из стороны в сторону и, наконец, замерла.

– Видит! Витёк, он тебя видит! Зови его к нам! – скомандовала Маринка.

– С Новым годом! – дребезжали от морозного воздуха мои голосовые связки. – Иди к нам, выпьем, Новый год же! Квартира 53, третий этаж.

Дед обратился к нам всем корпусом и застыл, потом поднял свободную от посоха руку, устало махнул ею и в какой-то беспомощной ярости крикнул, видимо из последних сил.

– Да идите вы на ...ууууу! – последнее слово шлёпнулось эхом о стену дома, подбросило вверх и унесло куда-то в зимнее небо. Дед развернулся и обречённо пошёл дальше, волоча посох за собой.

На несколько секунд в комнате стало так тихо, что, казалось, слышно, как в аквариуме плавают рыбки.

– Ты чё, ушастик, офанарел что ли совсем? – зашипела Маринка, – поднял всех, что бы нас тут дружно послали? – и вдруг ткнулась мне лбом в грудь, плечи её затряслись от смеха, через секунду хохотали уже все. Одна Катя сидела на диване и молчала, обводя нас непонимающим собачим взглядом.

Автобус медленно проехал через КПП воинской части. За окном мелькнули несколько жилых домов, магазин и ещё какое-то здание, вокруг свежей зелены шумел огромный парк.

Миновав вторые ворота, затормозил у штаба с памятником Ленину на цветочной клумбе. Серебристый Ильич указывал правой рукой куда-то вдаль, левую при этом держал в кармане брюк. «На Деда Мороза похож, – промелькнуло в моей голове, – только посоха не хватает»

– Выходим по одному! Строиться! – скомандовал капитан, появившийся неизвестно откуда у открытой двери. Дико озираясь по сторонам, мы стали выходить, все такие одинаково лысые и слегка напуганные. Было раннее утро, на плацу коробками становились роты, и вдруг, увидев нас, вся эта масса людей заревела лютым зверем.

– Мясо! Свежее мясо привезли! Духи, вешайтесь! – толпа свистела, улюлюкала, кто-то крутил над головой ремень. У меня похолодело внутри. Наступил другой год.

Горка 5

Основано на реальных событиях лета 1995 года. Грозный и окрестности

За закрытой дверью в комнате что-то шипело, щёлкало и вскрикивало, перемежаясь детскими восторженными восклицаниями, порой радостными, иногда откровенно огорчёнными. Я осторожно приоткрыл дверь и заглянул в образовавшийся узкий проём. Племянник сидел за компом и гонял по экрану монитора какого-то монстра с толстенными руками и доселе неведомым мне оружием. Монстр с ловкостью акробата уворачивался от огненных струй, то и дело пролетавших у него над головой или под ногами, отпрыгивал от рвущихся под самым носом гранат, умудряясь при этом палить из своего чудо автомата-пулемёта нескончаемым боезапасом. Я тихо прикрыл дверь и вернулся на кухню.

– Думаю, он сейчас не будет ужинать, там войнушка идёт по полной, – прояснил я ситуацию. Брат хмыкнул и как-то равнодушно махнул рукой.

– Не голодный значит, – резюмировала его супруга. – Надо же, весь день по городу гуляли, я еле ноги домой притащила, а ему хоть бы что? От стрельалок не оторвать. Одно слово-пацаны, – улыбнулась она. Ужинали не спеша, даже устало. Гостями в Питере они были не частыми, большой город выматывает с непривычки, даже если ты по нему просто едешь, ходишь, смотришь, наслаждаешься.

В детской стало как-то подозрительно тихо, заснул, наверное, наш «боец». Я ошибся, когда вошёл в комнату. Егор сидел на кровати и раскладывал какие-то фотографии, вынимая их осторожно по одной из обувной коробки. Увидев меня, как-то виновато заулыбался. Я подошёл ближе.

– Это Вы где? – ткнул он пальцем. С фото на меня смотрело трое молодых парней, загорелых, в тельняшках-майках, с наигранно суровыми взглядами. За их спинами на стене висела карта города с надписью сверху «Рабочая карта города Грозного. Комендатура №7». Одним из этих молодых людей был я.

Я присел рядом и взял в руки ещё одно фото... БТР, смеющаяся толпа на броне, стволы автоматов торчат во все стороны, на самом краю, чуть особнячком наш штатный снайпер, обняв винтовку, смотрит отрешённо куда-то в сторону. Он единственный, кто не улыбается на этом фото. Вот ещё фото...

Племянник дёрнул меня за рукав, я вздрогнул, возвращаясь из воспоминаний и растерянно улыбнулся.

– Ты где это взял? – спросил я.

– Карандаш искал, открыл вот этот ящик, а они там лежат, – он опустил глаза. – Нельзя, наверное, было?

– Ну почему нельзя? Можно конечно, – спохватился я.

– Это Вы в армии?

– Нет, Егорка, это я на войне...

...Сборный пункт был на полигоне Внутренних войск Московского военного округа, весь день на поле приезжали автобусы и крытые грузовики. Народ подбирался разношёрстный, по-разному одетый и вооружённый. Там и тут сновали подполковники и майоры, пытались разделить эту разухабистую толпу на отдельные команды и прикрепить к ним командиров. Самолёт летел до Моздока, и как только шасси взвизгнуло по бетонной полосе все начали просыпаться, весело подшучивать друг над другом и с любопытством поглядывать в иллюминаторы. Веселья поубавилось, только мы ступили на землю и увидели наших встречающих. У края полосы

стоял крытый тентом армейский «Урал», рядом БТР сопровождения. На броне располагались с десятков бойцов, все одинаково серо-коричневые от загара и пыли, они равнодушно рассматривали нас. Кто-то из наших спросил:

– Вы откуда, парни?

– Мы-то отсюда, уже третий месяц тут кантуемся. СОБР из Калуги, а вот что вы за народ, мы скоро узнаем. По всей видимости это был их старший, высокий и крепкий, в разгрузке с гранатами, к автомату прилажен подствольный гранатомёт, колоритности придавал болтающийся на ремне внушительных размеров нож, видимо штатно положенный бойцам СОБРА.

– Полезайте в машину, – процедил он, – барахло своё и оружие не забывайте.

БТР выполз на пыльную дорогу, «Урал» послушно следовал за ним.

Жить нам определили практически в центре города, недалеко от площади «Минутка», в детском отделении районной больницы, точнее того, что к этому моменту от неё осталось. Комендатура, в подчинение которой поступала наша сводная оперативная бригада, находилась тут же в двух шагах, в здании, где совсем ещё недавно функционировала школа. Очень хорошо помню момент, когда мы только въехали в город. Настроение, подпорченное «тёплой» встречей калужских «собров» вконец улетучилось, когда «Урал» стал петлять по пригородным улицам, выискивая места, где хоть как-то можно проехать между завалами и воронками. Мы притихли, пугливо поглядывая по сторонам, отовсюду на нас смотрели выжженными окнами многоэтажные дома, проломы в стенах от снарядных и ракетных разрывов, дороги практически отсутствовали. На перекрёстке улиц стоял недавно подбитый танк. Из открытого люка на башне валил сизый дым, пулемёт нелепо торчал покорёженным от взрыва стволом в небо. Рядом с танком сновали военные, на рукавах у них виднелись повязки с красными крестами. С бешеным рёвом очень низко пронеслись два вертолёт, потом дважды что-то оглушительно ухнуло, и воздух разрезала резкая, звенящая пулемётная очередь, довольно далёкая, но нам этого хватило, чтобы кучей попадать на пол кузова и вжаться в доски. Больше никто не шутил, не осталось места даже нервным смешкам. Навстречу нам протискивалась среди груд камней и бетона БМП, на броне сидели по всей видимости солдаты срочники. Все в чёрном, с жёлтыми «Ф» на погонах, на борту машины красный якорь и «Морская пехота. Северный флот». Голова одного бойца была обмотана чем-то, некогда напоминающим белый бинт, он привалился к плечу товарища, и опираясь руками на ствол автомата дремал, несмотря на тряску.

Ко всему привыкаешь быстро, как ни раз мне приходилось это понимать. К войне тоже. Уже не пригибаешь голову при каждом взрыве и на слух воспринимаешь расстояние и направление, откуда бьёт пулемёт, с чьей стороны. Отсутствие необходимого количества питьевой воды, изнуряющая дневная жара много больший кошмар, чем короткие уличные бои или стычки на блок постах. Вот она, Сунжа, течёт. Быстрая, мутная, на ровных участках чуть почище, можно искупаться и постирать вещи, но пить... Очень хочется пить, всегда. Даже ночью вода снится. Водопровод уничтожен, как и канализация. Вода вся привозная из пригородов и горных селений, где есть природные источники. В городе полно военных и сотрудников силовых ведомств, да ещё оставшееся мирное население. Всё равно не хватает... Дни мелькают как кинокадры, мотаемся по городу, оформляем найденные схроны с оружием и взрывчаткой, таскаем в комендатуру подозрительных личностей, собираем мало-мальски ценную информацию о том, где могут укрываться боевики. Часто это приводит к пересечению наших интересов и вопросов армейской контрразведки, что приводит к недопониманию и хаосу. Комендант поставил задачу работать на блокпостах, досматривать транспорт и людей в нём. Приходилось уезжать на сутки дежурить за город, а то и на какую-нибудь горную дорогу. Редкая ночь не обходилась без обстрела блокпоста, иногда даже с жертвами. Тогда я и познакомился с Алексеем... Вот он, на фото, обнимает задумчиво свою неразлучную подружку винтовку. Днём после обеда он отправился за старый арык. Ему выдали новую оптику, и он пристреливал её, что-то посто-

янно подкручивая и бормоча себе под нос. Я стоял в стороне и наблюдал, как он метров с двухсот сбивает пустые жестянки из-под ананасового сока. Такие выдавали в сухих пайках, если честно, нас уже от них тошнило (воды бы!). Заметил он меня не сразу, а увидев, молча пома-нил рукой.

– Стрелял из СВД?

– Нет. Я не военный.

– Ну сейчас это не важно, все мы тут немного лошади, – криво усмехнулся он, – на, попробуй.

Я прилёг рядом. Винтовка оказалась довольно длинной и тяжёлой.

– Смотри сюда. Видишь шкалу с галочками? Это расстояние до цели. Считать нужно по делениям. Вот эта шкала-поправка на вертикальное отклонение, – терпеливо пояснял он, – цель будет на линии огня, когда вот эти точки совпадают. Понял?

– Примерно, – вглядывался я в оптику.

– Банку видишь? Ну-ка...

Я задержал дыхание и плавно потянул крючок на себя. Отдача была сумасшедшей, больно ударило в глаз резиновой накладкой прицела.

– Мимо, – равнодушно отметил Алексей, – сам заглянул в оптику и что-то подкрутил сбоку.

– Попробуй ещё раз. Приклад плотнее к плечу и дыши ровнее, а вот к оптике не прижи-майся, с бланшем ходить будешь.

Пуля ударила почти по доньшко банки, облачком разлетелась в стороны каменная пыль.

– Ну уже кое-что, – сдержанно похвалил Алексей. – Ещё потренируемся, наверное, не раз на блоках дежурить будем вместе. Буду знать, что у меня есть второй номер. Ну-ка, ещё разок. Про вертикаль не забывай.

Комендант вызвал меня к вечеру.

– Завтра поедешь старшим смены на блокпост №5. Это горная дорога на Шатой. Дам тебе контрактников из ВВ и сапёра с собакой. Подбери ребят своих потолковее. Есть инфор-мация, что там на легковушках по горам пытаются оружие провозить, досматривайте каждую машину с пристрастием. Вэвэшники тебе для поддержки штанов. Если вдруг бой, давай радио, из Ханкалы «вертушку» поднимем. Ну давай, с богом!

Ещё не рассвело, а мы уже тронулись в путь. Белёная овчарка с похожим на неё же сапё-ром была приветлива и ласкова, как болонка, каждый норвил потрепать её за ухо или чем-нибудь угостить. Алексей, как обычно, поражал всех своим молчаливым красноречием, отсо-единил оптику от винтовки и всю дорогу что-то там придиричиво изучал. Солнце уже висело над самой верхушкой горы, когда за поворотом показалось сооружение из бетонных блоков, затянутое зелёной маскировочной сеткой, с забором из мешков с песком... Место было див-ное, вокруг невысокие и лесистые горы, дорога петляет за утёс. Все дружно балагурили, отде-журившие грузились в машину, я со старшим смены отошёл в сторонку.

– Днём в принципе тихо и транспорта не много, так что не перетрудитесь. Тут другая проблема – горы вокруг. Посади наблюдателя с биноклем, пусть «зелёнку» просматривает, по ней хорошо движение видно, лес не густой. Как стемнело, по нам пулемётной очередью прошли, благо все внутри были. Так что, как солнце сядет, шлагбаум опускайте и во внутрь, не рискуйте зря.

– Ага, понял тебя. А что это шумит?

– Речка внизу.

– Да ты что?! А вода чистая?

– Как слеза, и вкусная, прям так пить можно, мы как уезжаем на базу, все ёмкости запол-няем. Так что пей, не хочу. Вот искупаться проблематично, ледяная просто.

БТР потащился назад в клубах пыли. «Удачи, пацаны!» – махнул кто-то на прощание рукой и скрылся за утёсом. День покатился своим чередом, транспорта и правда было немного. Никто не выказывал никакого недовольства, водители открывали багажники, молча отходили в сторонку. Ближе к вечеру остановили рейсовый автобус, пассажирами были в основном женщины и дети, да пара стариков. Всем пришлось выйти, пока сапёр с собакой ходили по салону. Ребята в это время досматривали багаж. Ничего подозрительного не обнаружив, я махнул водителю рукой, мол, следуйте дальше. Люди спешно занимали свои места, тревожно поглядывая в нашу сторону.

– Ну что там? – подошёл я к наблюдателю. Тот шарил биноклем через бойницу в бетонной стене.

– Час назад вот там вот, – указал он рукой, – движуха была, и достаточно долго.

– Гнездится кто-то к вечеру, – я обернулся на голос. Алексей смотрел поверх моей головы. – Ребята сказали, что по ним ночью пулемёт работал.

– Я понаблюдаю ещё до темноты, если засеку, где сидит, утром сниму его, ночь как-нибудь переживём, – спокойно, даже как-то обыденно добавил он. В горах темнеет быстро, как будто лампочку выключили. Как только солнце закатилось за гору я проверил посты и позвал радиста.

– Первый, первый, я Горка 5, я Горка 5, как слышите меня? Первый что-то прохрипел малопонятно.

– День без происшествий. Личный состав без потерь, переходим на ночной режим.

– Понял вас, Горка 5. Удачи. Смена будет к вечеру, ждите «вертушку». Конец связи.

В углу стоял полный термос кипятка, только что снятый с огня, а это значит можно пить чай сколько влезет, такое редкое удовольствие в тех местах и в то интересное время.

– Тревога! Тревога!! – я резко подскочил с топчана, ещё не понимая со сна, что случилось, моментально запрыгнул в кроссовки и схватив автомат побежал к выходу. Вопросов я никому не успел задать. Где-то наверху ударила длинная пулемётная очередь, стихла. Потом ещё две покороче. Отчётливо было слышно, как щёлкают пули по стене. В ответ с правой амбразуры заработал наш ПК, трассирующие очереди разрезали склон по диагонали. Все заняли свои места согласно боевому расчёту, готовясь отражать атаку. Вражеский пулемёт полоскал нас ещё с полчаса, меняя дислокацию, достать он нас не мог, но и мы не могли его зацепить, темень крошечная, так и пугали друг друга. Никакой атаки, к счастью не последовало. Скорее всего это был какой-то психологический приём, что бы мы не чувствовали себя в безопасности. В любом случае почти до утра глаз уже никто не сомкнул, боевое охранение пришлось усилить. Алексей присел на край топчана;

– Я засёк точку, откуда он последний раз нас поливал, – прошептал он. Кое-кто из ребят всё же успел задремать.

– И чего? – не понял я.

– Того. Он до утра оттуда не уйдёт, там спуск крутой. Ночью с пулемётом не сойдёшь, а вот когда рассветёт, по тропинке можно тихо спуститься. И я знаю, где он выйдет. Я на этом блоке не первый раз.

Я молча на него смотрел.

– Утром, как только светать начнёт, я займу позицию на той стороне дороги. На пригорке, это как раз то, что надо. Мне будет нужен помощник, пойдёшь?

– Конечно, что за вопрос?

– Воот... Мы его с тобой быстро уделаем. А ты поспи, командир, время ещё есть. Стрелять больше не будут.

Кто-то тихонько тронул меня за плечо, я вздрогнул от неожиданности и открыл глаза. На до меня стояло существо похожее на лешего, ну по крайней мере я его себе таким представ-

лял, что-то большое и лохматое. Только белки глаз виднелись в сумерках наступающего утра. Правой рукой «леший» опирался на СВД, это был, конечно, Алексей в специальном маскировочном халате из множества комуфляжных лоскутков. Он жестом велел мне вставать и идти за ним. На выходе из блока он дал мне маскировочный халат немного попроще и протянул бинокль. Сделав предупредительный жест часовому, мы быстро пересекли дорогу и взобрались на пригорок, трава почти полностью нас скрывала, маскхалаты делали практически невидимыми.

– Видишь расселину? – Алексей указал мне на небольшую ровную площадку между двумя отвесными стенами, только-только прорисовывающимися в утренней дымке.

– Угу...

– Смотри в бинокль на десять метров выше, как увидишь, что кусты зашевелились, идёт значит. Я в это время буду площадку под прицелом держать, он как раз на неё выйдет. Площадка маленькая, он её за пару секунд пройдёт и скроется за скалой. Вот эти секунды мне и нужны, а если я за кустами смотреть буду, то прицелиться не успею, сечёшь? Вот зачем ты мне нужен, без напарника тут никак.

– А если там вдруг олень какой-нибудь в кустах зашуршит? – предположил я.

– Сам ты олень, командир, прости господи, что скажешь, – Алексей смерил меня надменным взглядом. – После ночной пальбы тут даже зайцы в округе на три километра разбежались. Нет там никого. Кроме него.

Томительно шли минуты. Пять, десять... Пора бы уже, скоро совсем светло станет. Я скосил глаза на снайпера. Ни один мускул не шевелился на его лице, глаз, смотрящий в оптику казался стеклянным. Вдруг чуть выше той точки куда я смотрел, зашевелились ветки, сердце моё бешено заколотилось. Я тихонько тронул Алексея локтем.

– Лёха, есть движение...

– Понял, командир, – еле слышно отозвался он, и чуть ниже опустил ствол винтовки. Теперь и я смотрел на площадку, до рези напрягая зрение, бинокль дрожал в руках, я всё никак не мог унять охватившее меня волнение. Через пару минут на площадке появился человек, на плече он придерживал пулемёт, в другой руке коробка с лентами. Человек на секунду остановился, озираясь по сторонам, и в это время грохнул выстрел. Пулемёт с лязгом шлёпнулся на камни, фигура пару раз качнулась из стороны в сторону, осела на колени и завалилась на бок.

– Попал... – изумлённо прошептал я.

– А то... Здесь всего метров триста пятьдесят, рабочая дистанция по ростовой фигуре, – ответил он и щёлкнул предохранителем.

Комендант внимательно изучал мой рапорт о недавнем дежурстве на блокпосту. Наконец он оторвался от бумаги.

– Молодцы, что я ещё могу сказать. Пулемётчика ликвидировали. Да и пулемёт изъяли. По-моему, этот гад блокпост всю неделю терроризировал. Молодцы! – повторился он. Буду награждать на снайпера готовить, рапорт твой как раз основание.

– А это что? – Егор протянул мне фотографию. Поле. На заднем плане вертолёт на стоянке. По центру поля установки на гусеницах, на башнях спаренные скорострельные пушки.

– Это «Шилка», Егор. Такая зенитная установка для стрельбы по воздушным целям, аэродром военный охраняют.

– А Вы стреляли из такой?

– Нее... Что ты? Тут надо знаниями специальными обладать.

– А вообще много ведь стреляли? Война ведь! Круто, наверное!

Я грустно улыбнулся.

– Поверь мне, Егорка, с монстрами в компе намного круче, и интереснее... Да и безопаснее. Не круто это, Егор, от слова абсолютно. Люди не должны друг друга убивать. Они должны сами жить и другим жить не мешать. Вот и вся истина, малыш...

Я перебирал фотографии, некоторые подолгу разглядывал... Где вы теперь все, как сложилась ваша жизнь, кто рядом с вами, вы рядом с кем... Про кого-то что-то знал, кто-то навсегда пропал из поля зрения. Никому не нужные герои никому не нужной войны. Задумчивый снайпер получил за тот удачный выстрел медаль «За отвагу». А это кто? Точно, это же майор Белов. Тоже награждён, орденом Мужества. Посмертно...

– А было страшно? – вопрос вернул меня в реальность.

– А ты никому не скажешь? – прошептал я и посмотрел по сторонам.

– Неа, – Егор подхватил мой шутливый тон.

– Очень, – улыбнулся я, кажется Егор не понял, шутка это или нет.

– А чего больше всего хотелось, – не унимался он. —Домой, наверное?

Я подумал секунду.

– Больше всего хотелось пить, Егор. Спи давай, поздно уже...

Целую. Лена

Моему сослуживцу, Андрею К. посвящается, 1 октября 2010 г.

Самое хорошее время для того, чтобы наслаждаться ездой на автомобиле по городу – это летний выходной день. Особенно, когда день тёплый, что редкость само по себе. Тот день был даже жаркий, аж целых тридцать градусов, от домов, асфальта, металлических конструкций исходит зной, всё дышало горячо и плавилось, так же медленно текли мысли и желания. Все чайники и не очень ринулись за город, быстрее, быстрее, к зелени, воде, дачам, грядкам, купальникам и плавкам, шашлыкам и пиву!

Семён выжимал из своей «Ауди» сколько позволяла дорожная обстановка, а она, скажу я вам, позволяла! Улицы были почти пусты, общественный транспорт попадался редко, трамваи лениво лязгали по рельсам. Впереди был целый день и девать его было собственно некуда, посему можно было поколесить так запросто, без цели, а там видно будет.

– Эльхан, привет, – Семён заезжал изредка в это уличное кафе, здесь была недурная кухня, они вообще, эти «чёрные», насчёт вкусно приготовить – молодцы. Не грех было дёрнуть холодного пивка под зажаренное на углях мясо, да и время близилось к обеденному, организм соответствующе начал сигнализировать. Отобедав, Семён сел в машину и вдруг поймал себя на мысли, что ехать-то в принципе некуда, дачи у него не было, дома пусто, у друзей какие-то наверняка свои дела, да и навязываться никому не хочется. Неуютно себя чувствуешь, когда на соответствующий вопрос слышишь: «Ну приезжай, если хочешь...» «Мол, куда ж тебя теперь девать, сироту. Ещё какие-нибудь полгода назад вопрос предоставления себя самому себе же, вообще не стоял, Семён был женат на одной очень интересной особе, которую сейчас старается не вспоминать. Шесть лет, проведённых в браке, не могли не отложить след на его восприятии действительности, отношению к женщине, как к особи человеческой, да и вообще к людям. Она была красива, умна и цинична, легко устраивалась в жизни и умела находить нужные и полезные знакомства, практичная – так говорят про таких. Но вот незадача, все эти качества напрочь отсутствовали у более сильной составляющей пары. Нет, в семье не было скандалов, измен, боже упаси, просто с каждым годом становилось понятнее обоим, что они разные, слишком, для того, чтобы быть вместе. В конце концов, последний бастион, на котором реяло семейное знамя, имеется в виду постель, пал. Лиля любила жить на острие, и это касалось всего, поэтому даже мысли допустить не могла, что бы интим превратился в «исполнение супружеского долга». Семён уехал к маме, в «трёшку» на Васильевский остров, оставив бывшую супругу в её однокомнатной квартире на Фонтанке, единственное, о чём жалел, так это о том, что теперь не будет наслаждаться видом на реку из окна огромной кухни... Ему было благостно там, в этих дворах – колодцах, коренной петербуржец в нескольких поколениях, сын морского офицера, он, как никто, чувствовал особый дух родного города, казалось, что в этих старых домах, выдавших и революционных матросов, греющих руки у костра, и шатающихся от голода людей, которые из последних сил тащат на санках ведро ледяной речной воды, есть что-то таинственное, мистическое. Если было бы возможно затаить надолго дыхание и заставить не биться сердце, приложить ухо к стене, можно услышать, почувствовать кожей страшное и смешное, великие свершения и такие же чудовищные злодеяния, надо только уметь слушать, и они расскажут, эти стены...

Дома на «Ваське» он опять занял свою комнату, в которой прошло детство и юность, всё было трогательно и знакомо. Мама, святой человек, не сказала ничего, посидела немного на кухне и поплакала, Семён не стал заходить, понимал, что горя никакого не случилось, просто... она ведь мама и всё тут... Жизнь потекла ровно и размеренно, мать и сын здорово ладили, да и чего делить то, Светлана Петровна работала медсестрой в «психушке» на Пряжке,

сутки через трое, Семён трудился каждый день, бывало иногда, что прихватывал выходные, домой приходил поздно, никто никому не доставлял хлопот. Опять же с возвращением сына, Светлана Петровна стала что-нибудь вкусненькое готовить, чего не делала уже несколько лет, пока жила одна, муж умер давно и, к-сожалению, до срока. Самое главное, что она не пыталась советовать, как дальше жить, что делать великовозрастному балбесу, куда направить свои чаяния и стремления. Семён любил её за это ещё больше, смотрел благодарно на это воплощение мудрости, в халате и фартуке, с мастерством жонглёра переворачивающее на сковородке блины, тонкие, как тетрадный лист...

После развода он старался ни с кем не «завязываться», как-то не хотелось, этакая душевная импотенция, в голове было пусто и хорошо, чувство того, что сбросил с себя какую-то тяжёлую ношу, приятно освежало. Были, конечно, моменты, как-то друг затащил в ночной клуб и под утро они уехали оттуда с двумя разбитными девицами, весьма нетрезвыми. Высокая, длинноногая подруга даже не пыталась изобразить из себя гетеру, хотя, когда ехали в машине, всем видом показывала, что просто изнывает от желания. На самом деле всё случилось весьма посредственно и без какой-то там особой страсти, Семён отметил про себя, что высокие и длинноногие, как правило, в постели ничего из себя не представляют, такое жизненное наблюдение. Принцип прост: «Меня такой красивой создал всевышний, и ты, грязный самец, должен быть уже счастлив от того, что тебе позволено мною обладать!» Какое глубокое заблуждение! На вопрос при расставании, позвонит ли он ей, Семён неопределённо пожал плечами, хотя знал наверняка, что не позвонит. Жены друзей, узнав, что появился завидный жених, сразу стали пытаться пристроить своих незамужних приятельниц, поспособствовать, так сказать, обрести счастливое состояние «как у людей». Быстро сориентировавшись, он стал с удовольствием принимать приглашения на ужины и обеды по выходным, хотя раньше, когда был женат, таким вниманием его не баловали – Лилию откровенно не любила женская половина его круга общения, потому как та всегда излучала наслаждение жизнью, а счастливый человек вызывает непонимание, зависть и злобу. Семён с аппетитом поглощал всё, что было выставлено на стол и демонстративно не замечал сидящую почти рядом какую-нибудь подружку, о существовании которой раньше и не догадывался, ситуация сама по себе забавляла, порою он вообще вдруг вспоминал, что у него срочные дела, благодарил за гостеприимство, галантно раскланивался и удалялся, чувствуя спиной возмущённо-удивлённый взгляд хозяйки. Поняв, что номер, как говорится, не пройдёт, званные чревоугодия постепенно сошли на нет, действительно, чего зря продукты переводить!

– Привет, Сёма, – он вздрогнул от неожиданности. Сидя в машине и задумавшись глубоко, не заметил, как со стороны водительской двери подошла девушка, она было наклонилась к открытому окну, но быстро выпрямилась. Короткая майка, обтягивающая небольшой, но соблазнительной формы бюст, не оставлял шансов показаться скромной в позиции «а можно к вам заглянуть».

– П... привет, – чуть заикаясь от неожиданности ответил тот, – ты откуда здесь?

– Да вот приехала тётку навестить, старенькая совсем, отпуск у меня, денег особенно не накопила, чтобы в заграницы слетать, мать говорит, съездила бы ты в Питер, а то тетя Маша болеет часто, проведаешь, да и рада она тебе будет.

– Ну и чего ради? – Семён, как каждый коренной житель мегаполиса относился к провинциалам с лёгким пренебрежением. Но до чего хороша! Как-то раньше он этого не замечал, хотя тётка жила в одной парадной с его мамой, девушку он видел давно, потому как сам обитал несколько лет на Фонтанке, за это время она выросла и... ну просто ой! Немного неловко от того, что никак не вспоминалось имя, общаться было затруднительно. Семён решил не церемониться.

– Ты прости, я давно тебя не видел, жил... э... в другом месте, забыл, как тебя зовут.

– Лена я, ты такой смешной, за это время можно было не только имя забыть, видел меня, наверное, последний раз, когда мне лет семнадцать было, а я успела колледж закончить и вообще... Чуть даже замуж не вышла, ну, дура, чё с меня взять, – Лена сделала картинную позу.

– Я тебя из окна видела, ты в машину садился, думала, к матери приезжал, а ты оказывается опять здесь живёшь? Ты же вроде женат...

– Был, – Семён поторопился её перебить.

– Извини, лезу не в своё дело, просто рада тебя видеть, помнишь, я промокла под дождём до нитки, а ты меня в машину к себе посадил и не жалко было, что салон могу испачкать. Даже не спросил, куда мне нужно, а потом оказалось, что у тебя в этом доме мама живёт. Ты тогда на какой-то «шестёрке», раздолбанной ездил, не то что сейчас, – Лена с уважением оглядела авто и провела ладонью по капоту.

– А сейчас куда тебе нужно? – выпалил Семён, сам от себя того не ожидая. Он вдруг остро и неотвратимо испытал потребность в таком простом, незатейливом общении, поймал себя на мысли, что вот так, запросто, ему самому никто давно не радовался, только потому что увидел. Вот она, стоит рядом, улыбается лукаво, и солнце просвечивает её розовое ушко, а он, придурок, как по голове ударенный пялиться в одну точку и во рту у него сухо.

– Эй, парень, – Лена расхохоталась, как маленькая девочка, – примёрз, что ли? Вроде как не сезон, ты чего, Сёма?

– Меня так мама называет, – наконец очнулся он, – ты, наверное, слышала, как они с твоей тёткой обо мне говорят?

– Да бог с тобой, мне просто имя твоё нравится, а так вот – Сёёма – вообще класс, правда?

– Наверно. Я не знаю, – чего-то заблел Семён, он явно был смущён и растерян. Ситуация глупая: парень сидит в авто, девушка стоит рядом, уходить-уезжать никому не хочется, разговор не клеится, надо что-то делать, ну что же ты, Сёма, мать твою! Она ведь сейчас скажет что-нибудь вроде «Ну пока, рада была тебя видеть» и радости особой в её словах уже не будет, так, расхожая фраза, и пойдёт, не важно куда, важно, что от тебя в другую сторону. Не сиди, как остолоп, ты же не хочешь любоваться её попкой, от тебя удаляющейся и не пойдёшь потом к тёте Маше: «А... извините, Лену я могу увидеть», потому как тебе не семнадцать, а тётка очень удивится такому вопросу, и ты прекрасно знаешь это! Лена оказалась мудрее и находчивей, она уверенно обошла передок машины и не спрашивая разрешения уселась на пассажирское сидение рядом с водителем, глаза Семёна рефлекторно сместились вправо и чуть вниз. Зрелище было не для слабонервных – короткая джинсовая юбка на грани «прилично-неприлично», ножки, будто искусный мастер долго и старательно точил их, и наверняка это было лучшим из его творений, и это всё совсем рядом, манило и кружило голову...

– Куда мне нужно? Когда ты меня мокрую вёз, не спрашивал! Ладно, так, а покатай меня, большая черепаха! – Лена процитировала фразу из известного мультфильма. Обстановка разрядилась сама собой, просто и легко, Семён в душе был благодарен Лене, запустил мотор и сорвался с места.

Пролетев несколько кварталов и обретя возможность вновь ясно мыслить, у Семёна возник вопрос, а куда мы, собственно, мчимся, чем он не преминул поделиться с Леной.

– В такую погоду у нас дома, – она имела ввиду места, где жила постоянно, – здорово было бы искупаться и позагорать.

– Не вижу препятствий, можем махнуть за город на залив или на озёра какие-нибудь...

– Купальник я с собой не привезла, как-то не думала, что погода будет соответствовать, да и... – Лена в упор посмотрела Семёну в глаза. Боже, только бы она больше ничего не сказала! Ладони Семёна стали влажными, противно заскользили по рулевому колесу, в висках стучало. Он даже немного испугался своего состояния, которое, дай бог памяти испытывал

в далёкой уже юности. Вспомнилось вдруг, как к отцу приехал в гости сослуживец – ходили вместе на одном корабле – с ним была дочь, на год младше, чем Семён, и пока отцы предавались воспоминаниям на кухне под бутылочку, ему поручили почётную миссию показать девочке Ленинград. Была пора белых ночей и нетрезвые родители впервые разрешили своему отроку погулять немного за полночь, да и оставить впечатление гостеприимных хозяев и истинных питерских интеллигентов, чего греха таить, хотелось...

Часам к двум, когда уже развели мосты, Семён накинул на озябшие девичьи плечи свою куртку... Как сладостно и головокружительно потом пахла эта куртка! В этом аромате смешалось много всего: еле уловимо ощущались тонкие духи, явно дорогие и наверняка мамины, перемешанные с запахом кожи, которой вряд ли ещё касались чьи-то пальцы, волос, которые ещё никто не ворошил, одурманенный страстью. Гости уехали, а Семён какое-то время не надевал свою любимую вещь, та сиротливо висела на вешалке, и когда дома никого не было, он, озираясь по сторонам, как будто делает что-то неприличное, зарывался лицом в её изнанку и вдыхал, вдыхал... Тогда впервые у него застучало в висках, он не мог понять, что происходит, но было очень здорово... Чуть позже, немного повзрослев, Семён, вспоминая этот случай понял безошибочно – так пахнет только СЕКС! И ничто другое такого божественного аромата иметь не может!

Вот и сейчас, много лет спустя, он испытывал те же ощущения, словно стоял в прихожей, уткнувшись лицом, ещё не знавшим бритвы, в куртку. Остановились у первого попавшегося на пути вещевого рынка, их много таких, маленьких, стихийных практически, там и здесь разбросаны по всему городу. На приобретение купальника ушло совсем немного времени, со словами: «Вот это наверняка подойдёт», Лена торопливо запихала в сумку два разноцветных лоскутка, Семён расплатился, и они продолжили путь. Во второй половине дня, когда основной транспортный поток схлынул, а степенные дачники уже готовились к ужину, гнать по трассе было особенно приятно. Ветер через открытое окно трепал Ленины волосы, те в беспорядке металась по лицу, лезли в глаза и в рот, когда она говорила, но казалось, что ей это совсем не мешает, сидя на боку лицом к водителю она щебетала какие-то глупости, заразительно смеялась сказанному самой же...

– Можно я поучаствую, – и не дождавшись ответа, положила свою ладонь на руку Семёна, когда тот переключал передачу. Электрический разряд стремительно пронёсся по всему телу, от кисти до паха, машину слегка бросило в сторону... Скорей бы озеро, уже совсем рядом!

Вода, достаточно тёплая для купания, здорово освежала, народу уже было немного, но те, которые оставались, прилипли взглядами к девушке, осторожно входящей в воду. Семён тоже не мог не любоваться. Трое парней, явно подвыпившие, беспардонно комментировали: «Где таких выращивают?!», но, наткнувшись взглядом на Семёна, быстро смерив его ладную фигуру и то, как недружелюбно он посмотрел, замолчали. Семён нырнул с головой и, показавшись на поверхности, обнаружил Лену плывущей далеко на середине озера, та повернулась к нему и помахала рукой, он вдруг отметил про себя, что этим летом купается впервые, то некогда, то погода не та, второе, кстати, причиной являлось намного чаще. Лена плыла довольно ритмичным брассом, Семён пытался не отставать и немало удивился, что даётся ему это с трудом. Она всё-таки первой достигла того места, где можно было стоять на дне, Семён вынырнул так близко, что сам не ожидал, что его лицо окажется совсем рядом с её глазами, волосами, прилипшими ко лбу... Последнее, что он увидел, это капля, стекающая с мокрого локона и остановившаяся в уголке рта... Языки их сплелись в какой-то немыслимый узел, Лена обхватила Семёна под водой ногами, он с трудом удерживал равновесие, руки рефлекторно прошлись по её спине и задержались на ягодицах, будто поддерживали девушку, хотя необходимости в том не было – ноги обхватили талию Семёна мёртвой хваткой.

– Ну что ты делаешь, д... дурачёк, люди ведь вокруг, увези меня отсюда... Она ловко высвободилась из объятий Семёна и направилась к берегу, он поспешил было за ней, но, когда

вода достигла пояса, направился несколько назад – некоторые физиологические изменения, произошедшие с ним за последние минуты, не позволяли ему вот так, запросто, выйти на сушу.

– Ну иди ко мне, мой ковбой! – Лене была понятна причина и она явно издевалась.

– Нее, я поплаваю ещё немного, – подыграл Семён.

– Ну, давай, давай, поплавай, ихтиандр, – улыбалась та, расчёсывая мокрые волосы.

Он был здесь не первый раз и знал, что, объехав озеро вокруг, можно попасть на очаровательную безлюдную полянку с топким берегом, поросшим осокой. Место не для купания, в воду там не войти и не выйти, сюда только заезжали изредка парочки... послушать шёпот листвы и щебетание птиц.

Побросав наспех одежду в машину, они выехали на лесную дорогу. Путь оказался долгим и нелёгким, как показалось Семёну, объезжать многочисленные ямы и ухабы получалась с трудом, Лена «безобидно» развлекалась, то ежеминутно покусывала Семёна за мочку уха, то её бесстыжие руки нескромно путешествовали по его телу, тут и там делая короткие и горячие остановки. Все эти действия были приятными до одури, но машину вести мешали, доехать наконец-то до поляны для Семена означало тоже самое, что и для умирающего от жажды бедуина добраться до оазиса в пустыне.

– Ты откуда место это знаешь? – Лена хитро сощурила глаза. – А... а, понимаю, наверное, не первую меня сюда привёз, котяра ты помойный!

Семён хотел было что-то возразить, особенно по поводу котяры, но не успел, Лена с мастерством цирковой наездницы переместилась с пассажирского сидения верхом на него, обхватила ладонями лицо и хищно впилась в его губы, всё вокруг перестало существовать, мысли и чувства вплелись в какой-то сладостный безумный круговорот. С ветки сорвалась и полетела над озером испуганная птица...

– Ну что, товарищи нахимовцы, сегодня последний день шлюпочной практики, – немолодой уже мичман прохаживался, заложив руки за спину, вдоль построенных в две шеренги юных морячков, – вот по этому озеру мы должны пройти заданным мною курсом и с определённой скоростью. Занятие последнее, – повторил мичман, и понизив несколько голос, почти вкрадчиво добавил, – Зачётное! – При этом многозначительно поднял вверх указательный палец правой руки. Измотанные практикой матросы сразу приободрились, потухшие уже было глаза засветились чем-то живым. Неужели это сегодня закончится! Задолбались грузить на машину этот огромный ял, таскаться от одной воды к другой. И мичман, этот старый мудака, всё рвение своё показывает перед начальством, экспериментирует на разных водоёмах, всё хочет доказать, что ход яла на шестнадцати вёслах по заливу отличается от хода той же посудины с тем же количеством вёсел по озеру. Ну, ни идиот, якорь ему в задницу!

По команде старшего, всё расселись по местам и отчалили. Устроившись поудобнее на корме, мичман дождался, когда лодка выйдет на чистую воду и дал счёт.

– И р... раз, и р... раз! – чеканно вылетало из его прокуренного рта и сопровождалось коротким и резким взмахом руки. В такт его голосу матросы синхронно налегали на вёсла, ял стремительно набирал ход. Волны, даже самой небольшой, не было, усталое солнце уже зависло над линией горизонта, готовое провалиться на последнем издыхании, и только одинокая лодка будто летела над водой.

– И р... раз, и...и...и р... раз, хорошо, мальчики, хорошо! – подзадоривал мичман, – Ну-ка, налегли! «Мальчики» были красные от напряжения, по лицам градом стекал пот. Справа по борту обнаружилось место, густо поросшее осокой, мичман дал команду сбавить ход и принять немного левее. Нужно было пройти заросли в непосредственной близости от берега, а дальше опять открытая вода. Вот и выбрались, он поднял руку для начала счёта и повернул голову к берегу. Вместо «и р-раз!» мичман неосознанно выпалил: «Ни ...уя себе!». Все шестнадцать голов повернулись в сторону, куда выпученными глазами и с разинутым ртом взирал их коман-

дир. Всего лишь в нескольких метрах от лодки, на поляне стояла чёрная иномарка, точнее, её спереди загораживала голая мужская спина и такие же не менее голые ягодички, девушку не было видно совсем, не считая стройных ножек, которые парень поддерживал за лодыжки. Он ритмично совершал характерные для ситуации движения, на левой ступне девушки безжизненно болталась босоножка, готовая в любой момент сорваться с ноги и упасть в траву. Ко всему, животрепещущую картину дополняли всевозможные всхлипывания, взвизгивания, вскрикивания и прочие звуковые атрибуты действия.

Страшной мукой и безысходностью исказились лица нахимовцев, вёсла застыли в воздухе, и кто-то, не выдержав заорал: «Вот, блять, жисть у людей! А тут, как рабы на галерах! Мужик, дай ей по самое не балуйся! За нас! За всех! Пошли-ка ей в разлуку!» Выкрики, советы, пожелания так и посыпались из лодки, как из рога изобилия, но парочка их уже не слышала. Заметив лодку слишком поздно, как оказалось, они метнулись друг от друга, Лена спряталась за открытой дверцей машины, а Семён просто сел голой задницей в траву и тупо глядел туда, откуда так стремительно умчалась жизнь, зрелище было жалкое, если не сказать, противное. Оба пребывали в каком-то ступоре. Ял удалялся, выкрики и гомерический хохот ещё раздавался над озером, когда Семён осторожно обошёл машину и приблизился к Лене. Обняв колени, девушка уткнулась в них лицом, плечи её вздрагивали. Семён не знал, что сейчас нужно делать, чувство вины переполняла его, наконец, он осторожно тронул Лену за плечо.

– Леночка, ты прости меня, кто ж знал, что так получится... моряки эти хреновы, что б им лопнуть! Не плачь, мне жаль... – Закончить он не успел, Лена подняла на него мокрое от слёз лицо, но она совсем не плакала, нет, её остренькие плечики вздрагивали от неудержимого смеха!

– Вот так потрахались! «Я знаю место, там ни одной живой души!» – передразнивала она Семёна. – Как два идиота пёрлись километра три вокруг озера по колдобинам, чтобы в итоге в самый такой момент показать твой голый зад морячкам! Ой не могу, умру сейчас, расскажи кому не поверят! – казалось, что от смеха её сейчас переломит пополам. Семён стоял с глупым выражением лица и ощущал себя половым активистом, инициатива которого была загублена на корню, да ещё так жестоко и цинично, в тот момент он возненавидел этот проклятый ял со всем его содержимым, а также весь военно-морской флот. С каким замиранием сердца, будучи ребёнком, он держал в руках отцовский кортик, он сейчас, конечно, не вспоминал.

– Одевайся, герой-любовник, – подруга нежно погладила его по руке, – ничего страшного не произошло и извиняться тебе не за что, – Лена чмокнула Семёна в нос. – Пора возвращаться, темнеет уже.

Всю дорогу назад они ехали практически молча, слушали музыку, изредка перебрасывались какими-то ничего незначащими фразами, настроение испорчено не было, просто было хорошо вот так вот чувствовать друг друга рядом, и зачем собственно что-то говорить. Время ужина уже давно минуло, но есть почему-то не хотелось, просто ехать, просто музыка, просто хорошо. Мосты пролетели только-только, в зеркало было видно, как охрана перегораживает дорогу полосатыми шлагбаумами.

Лена уютно пристроилась на плече и будто задремала, проснулась от ощущения того, что они уже никуда не едут.

– Мы дома, – Лена сонно огляделась вокруг, потом сладко потянулась, закинув руки на затылок. Сколько соблазнительного до неприличия было в этом изгибе! Горячая волна вновь прокатилась у Семёна внутри, он запустил мотор, и авто, жалобно взвизгнув резиной, вылетела на набережную. Он мчался, не разбирая дороги, девушка с немим вопросом взирала на него, в глазах её плясали весёлые чёртики. Резкий поворот бросил машину в какой-то двор-колодец, там было почти свободно и Семён с разгона чуть не врезался в стену. Они даже не сообразили, как оказались на заднем сидении, задыхаясь и путаясь в одежде, наконец начали рвать друг друга на куски.

Старушка подошла к открытому окну, слабые уши ещё улавливали звуки вокруг, правда телефонный звонок пришлось сделать на всю громкость, так что соседи по коммуналке вздрагивали, но что делать, с неудобствами совместного проживания чужих друг другу людей в одной квартире, приходилось мириться. Что-то там внизу происходило. Какая-то незнакомая машина стояла у стены напротив, её покачивало из стороны в сторону, изнутри доносились стоны и завывания. Бабка с минуту оценивала ситуацию, и, поняв, что человеку, который эти звуки издаёт совсем не больно, а скорее наоборот, крикнула в окно:

– Что ж вы делаете, охальники, щас милицию позову, бесстыжие ваши рожи! Находящиеся в машине не слышали и не могли её слышать, да и, если это было так, то вряд ли подобные замечания придали их поведению благопристойность.

«Во выводит, шельма... Лань подзаборная!» – подумала старуха, слушая, как невидимая ей женщина наслаждается сама и даёт возможность какому-то счастливцу насладиться собой... и улыбнулась грустно.

«Не спится тебе, дуре старой» – поругала она себя и зашаркала тапочками на кухню, гнусава под нос «Помню, как-то я молодушка была...».

Праздников Семён не любил, видимо передалось от отца, тот говорил, что в нашей стране по малейшему поводу пьянка, и не важно, то ли мы в космосе всех опять обогнали, то ли на пушечном лафете везём в мир иной очередного генсека. В постсоветском пространстве праздников стало много больше, смысла в них, платформы и, если хотите, идеологии, не осталось совсем. Но Новый год деть было некуда, а тут ещё какое-то непонятно откуда взявшееся и не понятно кому нужное Рождество. Тоже, блин, истинно русский праздник!

Семён метался по магазинам, наступил уже год следующий, а он, мерзавец, маме так и ничего не подарил и ошибку эту очень хотел исправить к Рождеству. Наконец, после долгих мытарств он понял, что вот именно ЭТО ей понравится и облегчённо выдохнул: «Заверните, пожалуйста! «Настроение сразу пошло вверх, хорошо бы вернуться и не застать её дома, будет как раз время подготовить сюрприз. Мама вернётся, а в спальне у неё горит мягким уютным светом торшер, чего она, действительно, портит зрение вечерами, когда читает под этим тусклым, выдавшим виды, бра. По-моему, здорово, думал Семён, паркуясь у парадной, свет в окнах квартиры не горел, отлично, значит дома никого! Подарок Светлане Петровне понравился:

– Спасибо, Сёмочка, что-то такое мне и хотелось, только как-то не собраться, то времени нет, то денег. Дорогой, наверное? Зачем ты, сынок, так тратишься?

– Мамуль, не грехи, куда мне ещё тратить, а для тебя... Сама понимаешь... Мать обняла сына, на глаза навернулись слёзы:

– Внуков бы, – чуть слышно произнесла она.

– Нуууу, не начинай, – Семён терпеть не мог этих разговоров, даже намёки, которые проскакивали всё чаще, раздражали его, но сдерживать себя приходилось.

– Так, всё, прекращаем тут сырость разводить, – с наигранной строгостью подытожил он.

– Всё, всё не буду, ужинать пойдём, я перцев нафаршировала, как ты любишь, – мама направилась на кухню.

Звонок в дверь остановил её на полдороги. Кто это может быть, на ночь глядя? Гостей вроде не ждали. На пороге стояла женщина, раньше Семён никогда её не видел.

– Ой, Зиночка, здравствуйте, проходите, – визит явно порадовал хозяйку.

– Вот приехала сестру проводить, Маша всё хворает, летом дочку присылала, сейчас дай-ка, думаю, сама навещу, душа-то болит, Света, родная кровь ведь...

Светлана Петровна понимающе закивала.

– Я, собственно, на минутку. Семён, тут Лена тебе письмо передала, – брови у того удивлённо поползли вверх. Женщина оценивающе смерила парня взглядом и протянула плотный,

наглухо запечатанный конверт, надписей на нём никаких не было. Семён сел на диван в своей комнате и долго рассматривал его, всё не решаясь открыть. Что-то подсказывало, что вскрой он его и полетит, покатится сердце в какую-то бездонную пропасть, всё круто и непоправимо изменится... Страшно... В руках была рождественская открытка, обыкновенная такая. «Сёма, с рождеством тебя! Дай тебе бог, что самому хочется. А полянку нашу у озера наверняка занесло снегом, я часто её вспоминаю, и ял этот небось примёрзший где-нибудь стоит. Прости, что я уехала и даже не оставила адреса и телефона. Мы ведь бабы – дуры, давно известно. Мама собиралась к тётке, а я долго себе пальцы выкручивала, чтобы не написать, но не выдержала, как видишь. На работу ещё через четыре дня, шатаюсь тут одна по квартире из угла в угол, есть чем время занять, да как-то... Полянку-то нашу снегом занесло... точно... напроць. А адрес у меня такой... Целую. Лена.»

Светлана Петровна несмело заглянула в комнату сына, тот не спеша складывал в дорожную сумку какие-то свои вещи.

– Ма, у меня поезд через четыре часа, к понедельнику вернусь, – она нисколько не удивилась сказанному и не стала задавать вопросов.

– Поужинать-то мы всяко успеем, да ведь, Семён? – улыбнулась лукаво.

В спальне уютно горел торшер, Светлана Петровна стояла у окна, наблюдая, как сын садится в трамвай, который идёт до «Василеостровской».

«Успеет до закрытия метро» – подумала она, и вслух, не боясь быть услышанной, повторила, – Внуков бы...

Галочка

Он всегда напоминал мне мушкетёра, хотя видел их я только в кино. Длинные волнистые волосы с проседью почти до плеч, аккуратные усы, не хватало только шляпы с пером и шпаги на боку. Михаил Александрович зашёл в мой кабинет и молча остановился перед столом, в руках у него был лист бумаги.

– Что сие у Вас в руках, сударь? – настроение мне пока никто не испортил.

– Рапорт на отпуск, точнее на все отпуска, которые я ещё не отгулял в этом году, – он сделал паузу, – а потом на пенсию, всё хватит. Стар я уже по области мотаться, жлобов всяких по районам гонять, пусть вон, молодые бегают, тридцать календарей за плечами, да и внуки уже подрастают.

– Ну, твоё желание закон, не могу отказать ветерану оперативно-розыскного движения, – улыбнулся я, кого на район твой ставить только, есть предложения?

– Подумаю, Саныч, скажу позже.

Андрей появился в отделе сравнительно недавно, ещё не совсем привык к этому ритму, к какой-то неспешной постоянной суе и атмосфере перманентного ожидания неизвестных пока событий, которые на его глазах уже не раз за это короткое время переворачивали всё с ног на голову, переносили окончание рабочего дня на неопределённое время, шутя и играючи опрокидывали выходные в напряжённые и порой страшные будни. Я часто замечал его нехорошо изумлённые глаза за стёклами очков, когда прямо на пороге приходилось разворачиваться и лететь неизвестно куда. Хорошо, хотя бы было понятно зачем.

– Ну как тебе у нас? – я вызвал его к себе, – тяжело, может как-то не комфортно или ещё что-то в этом роде? Понимаю, раскрытием убийств ты никогда раньше не занимался. Дело для тебя новое. Осваиваешься? – проявлял я чуть ли не отеческую заботу и стыдился собственного лукавства.

– Я на «земле» работал до этого несколько лет, с лёгкой небрежностью процедил он, – там и не такое бывало.

– Свободен пока, – холодно произнёс я. «Каков наглец», подумал. Но парень мне этот определённо начинал нравиться. На «земле» он работал, гляньте-ка на него. Что вы там делали, на «земле» вашей? Ныкали заявления и строчили «отказные»? Сам это проходил, не вынес оттуда ни знаний, ни умений, ни навыков каких-то полезных, не попал бы опером в убийный отдел, точно бы моя хрупкая психика не выдержала такой безысходности и пришлось бы уволиться, поймал себя на мысли я.

– Район свой курировать отдашь Андрею, – Миша сидел справа от меня за столом для совещаний, Андрей напротив.

– Он сотрудник молодой, район относительно спокойный. Как раз пооботрётся, присмотрится, что к чему, ну, и заодно поймёт некоторые нюансы нашей деятельности.

– Саныч, тогда через неделю там совещание итоговое, мы бы поехали вместе, с руководством познакомлю и, вообще, с кем нужно.

– Не вижу никаких препятствий, – отхлебнул я уже остывшего кофе.

– Ты самое главное не тушуйся, Андрюха, – они мчали по трассе ранним туманным утром. Михаил Александрович удобно расположился на переднем сидении и тоном опытного наставника увещевал своего молодого коллегу:

– Надо съездить в район, посидеть на совещании, болтовню эту послушать, гривой покивать, в общем поставить галочку, понимаешь?

Андрей лихо обошёл большегруз, Миша вжался в сидение.

– Ты эта... как его, поаккуратней немного, всегда гоняешь так? Андрей криво ухмыльнулся и чуть сбавил скорость.

– Так вот, – переведа дух продолжил он, – руководители там адекватные, в прокуратуру сходим. Я тебя представлю всем, кому нужно, что б знали, что у них куратор новый. Если посидеть предложат, рюмку там опрокинуть. Не отказывай. Надо галочку поставить, что б запомнили тебя. Ну, а по работе я тебе объясню всё.

Райотдел милиции являл собой унылое зрелище. Площадка перед зданием давно уже просила нового асфальта, в середине её располагалось углубление, что-то вроде широкой и пологой воронки, залитой грязной водой осенних дождей. Посередине этой лужи плавала дохлая кошка. Обшарпанная двухэтажная бетонная коробка неопределённого землянистого цвета тоже оптимизма не добавляла, то же самое, если не хуже, можно было сказать и о внутреннем убранстве этого дома скорби. Картину дополняла такая же безрадостная серая улица с домами постройки времён сына «Кузькиной матери», с разбитым тротуаром и дорогой в колдобинах.

«Дааа, попал – подумал Андрей, – это ж не место, подлость просто какая-то. Блядство, сифилис и змеи, ни дать ни взять». Он дёрнул сигарету из пачки и грустно закурил.

Совещание началось бодренько. После вступительной речи начальника один за другим на трибуну поднимались руководители различных уровней, кто-то быстро и чётко докладывал о своих грандиозных успехах, в чём была особая стратегия: чем увереннее и быстрее говоришь, тем меньше у слушателей возможности вставить слово или задать неудобный вопрос. Кто-то начинал издавать звуки, больше похожие на бляения овцы, и такой докладчик, как правило, был обречен на публичное унижение, которое только если не заканчивалось улюлюканием и бросанием в говорившего гнилыми помидорами.

– Слово предоставляется куратору нашего района от Управления уголовного розыска полковнику милиции Волкову Михаилу Александровичу, – объявили присутствующим.

Миша сделал лицо и попёрся к трибуне. Вещал он ту же ахинею, как и все предыдущие ораторы, к тому ещё было добавлено его природное косноязычие, которое невозможно было вытравить, как армейскую синюю наколку на плече, так, чтобы следа не осталось. Андрей затосковал. Какие «одухотворённые» лица вокруг, сколько в них жизни, злой и весёлой энергии, желания творить, побеждать и проигрывать, верить и ошибаться. Он едва улыбался уголками рта над собственной иронией, глядя осторожно по сторонам, Михаила конечно же никто не слушал, какая-то тётка с жуткой химической завивкой и толстыми яркими губами, склонив голову набок, откровенно спала, никого не стесняясь, Андрей стал прислушиваться – не захрапит ли.

– ...шите представить вам нового куратора района майора милиции Кривцова Андрея Валерьевича, – выхватил издалека Андрей голос Волкова. Он встал и обвёл зал взглядом. На него смотрели сотни две равнодушных глаз.

«Здрасьте», – чуть было не брякнул он, но вовремя спохватился, слегка кивнул головой и уселся на своё место.

Прокурор, уже немолодой степенный мужчина, молча протянул Андрею руку, его лицо ничего не выражало, Андрей смутился и молчал, стоя посреди его просторного кабинета. Не произнеся ни слова, тот подошёл к шкафу, нырнул куда-то руками и поставил на стол початую бутылку коньяка, три рюмки и хрустальную вазочку с конфетами.

– Я как бы за рулём, – слабо запротестовал Андрей, но тут же получил ласковый, но оттого не менее ощутимый тычок в бок от своего старшего товарища.

– Молчи, дурак, я же говорил, что галочку поставить надо, – зашипел он в ухо Андрею и одарил прокурора лстивой улыбкой.

День клонился к вечеру и Михаил Александрович начал проявлять некоторую обеспокоенность, Андрею непонятную, пару раз отходил в сторону и с кем-то что-то живо обсуждал по телефону. На вопрос Андрея, как скоро они поедут обратно, неизменной скороговоркой отвечал: «Погоди, погоди, не торопись». Наконец, Миша плюхнулся на переднее сидение авто и оценивающе посмотрел на Андрея.

– Ну, как тебе район? – спросил он.

– Полное говно. Тухляк какой-то. Тут, наверное, только пьяные колхозники друг за другом с ножами бегают и баб своих вокруг изб с топорами гоняют, – презрительно бросил Андрей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.